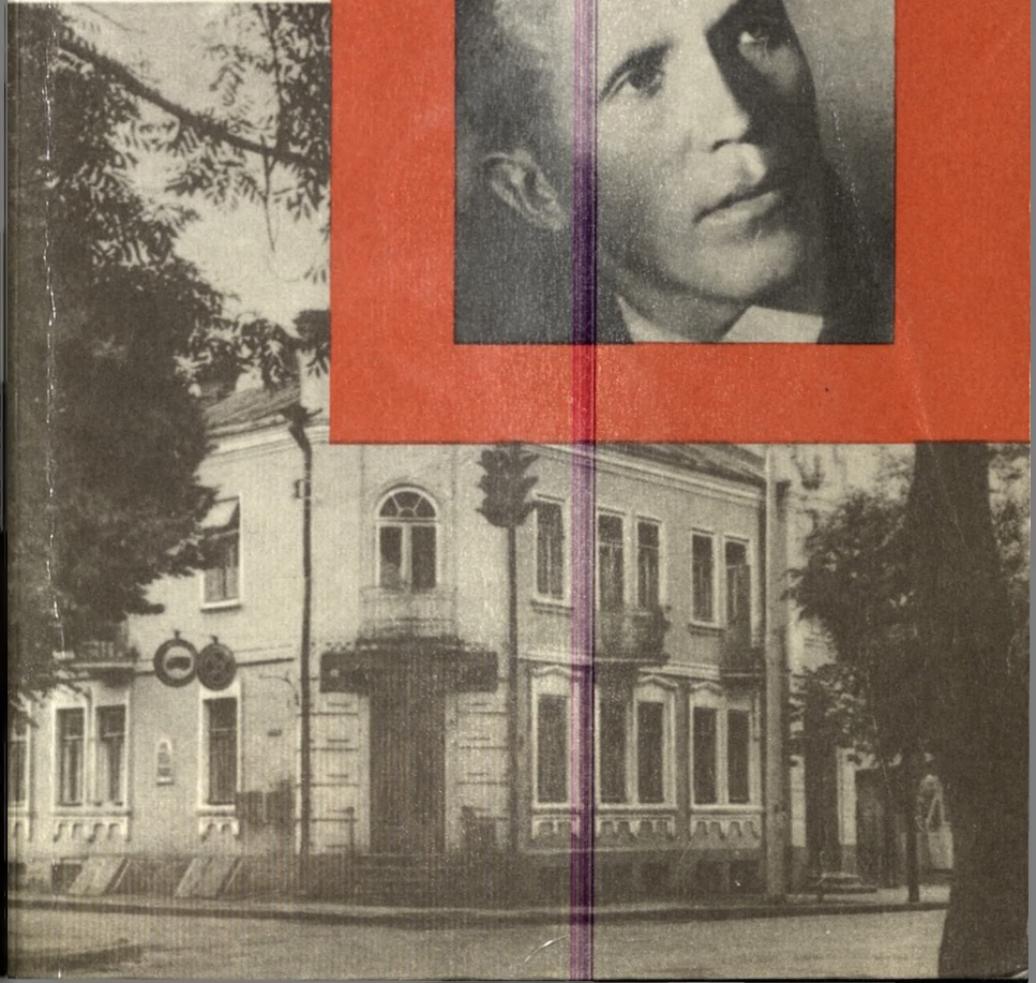

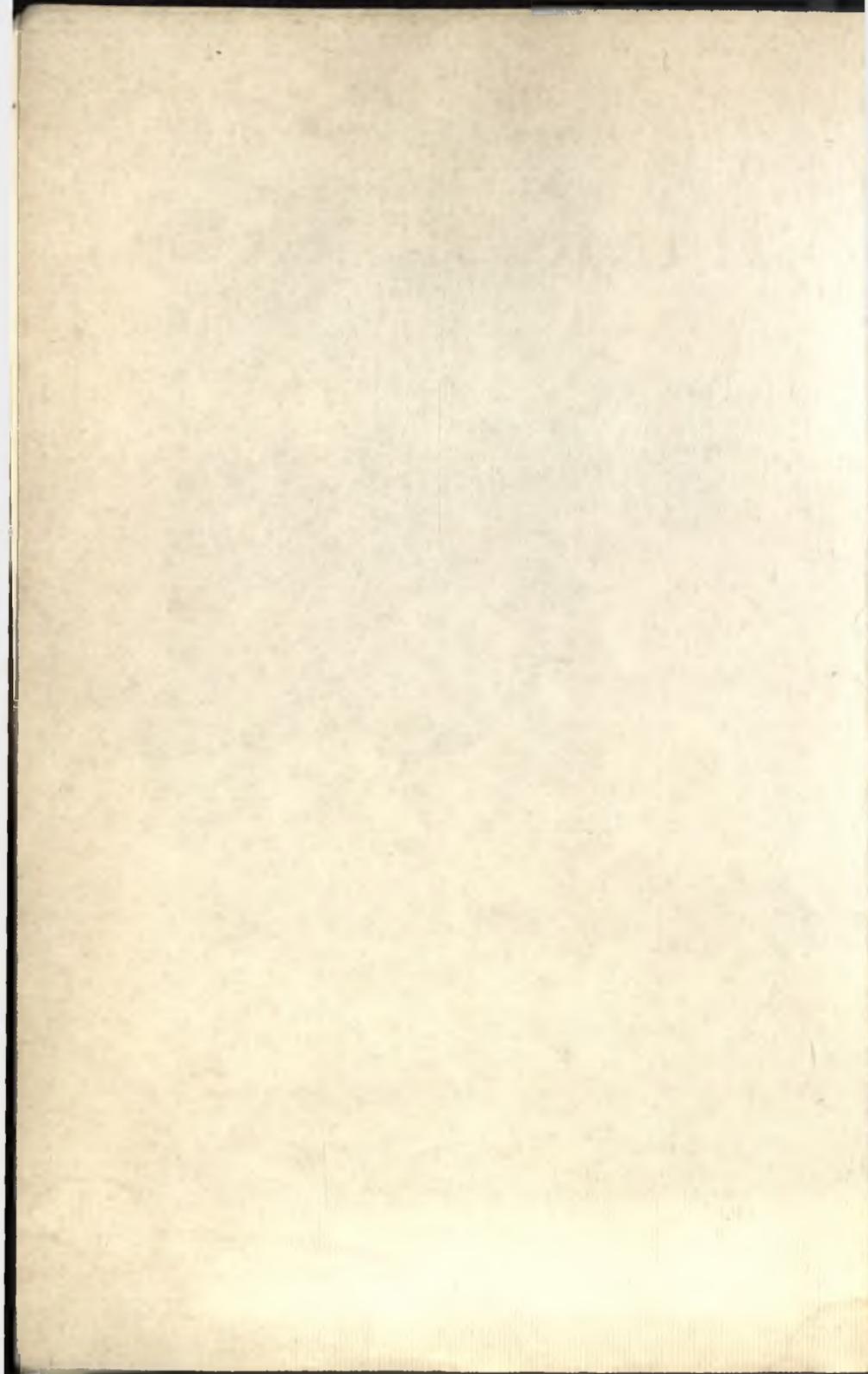
И. Н. Тюфяков

к. 0.13(2.)722
Т88 -4

Н.И. КУЗНЕЦОВ

Серия
«Наши
земляки»

05

63.3(2)722
к 0Т98-4

И. Н. Тюфяков

Н. И. КУЗНЕЦОВ

Серия
«Наши
земляки»

0444

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1981

Красноуральская ПБС
Свердловской обл. 044

Бессмертные подвиги разведчика Николая Ивановича Кузнецова восхищали и восхищают миллионы людей. Поэтому понятно стремление каждого узнать как можно больше об этом необыкновенном человеке.

Автор предлагаемой фотоповести побывал с фотоаппаратом всюду, где жил, работал, сражался Н. И. Кузнецов, и на основании документов и фотографий показывает жизненный путь разведчика и его боевых сподвижников по борьбе в тылу врага.

Книга адресуется широкому кругу читателей.

ОТ АВТОРА

Человеком из легенды называют отважного разведчика-уральца Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова. Подвиги, совершенные им в годы Великой Отечественной войны, яркой страницей вошли в историю борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Имя Н. И. Кузнецова широко известно не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

О беспримерных подвигах разведчика впервые стало известно из книги «Это было под Ровно», написанной командиром партизанского отряда Д. Н. Медведевым. Отдельные главы книги передавались по радио. Уже тогда я, как и многие другие читатели и радиослушатели, был восхищен смелостью, отвагой и находчивостью этого человека. Вскоре удалось познакомиться с автором книги, что еще больше усилило мой интерес к Кузнецову.

В апреле 1949 года Д. Н. Медведев приехал в Свердловск. Дмитрий Николаевич рассказал, что он работает над новой книгой — «Сильные духом», где также показывает подвиги разведчика Н. И. Кузнецова. Автор приехал на Урал, чтобы найти родных и близких героя, подробнее узнать его довоенную биографию, побывать на его родине.

Через четыре года в Свердловском драматическом театре была поставлена пьеса «Сильные духом», которую Медведев написал вместе с Анатолием Гребневым. На премьере спектакля присутствовал и сам Медведев. В эти дни я часто виделся с Дмитрием Николаевичем, слушал его публичные выступления, в которых он рассказывал о действиях партизанского отряда.

После встреч с Д. Н. Медведевым образ легендарного разведчика Кузнецова настолько запал мне в душу, что Николай Иванович стал моим самым любимым героем. Я начал собирать газетные и журнальные публикации, книги о нем, переснимал фотографии, документы, фотографировал все, что было связано с его именем у нас, в Свердловске.

Когда Свердловская телестудия создавала документальный фильм о Кузнецове «Человек из легенды», то собранные мной

фотографии оченьгодились и впервые были «привлечены к работе».

В 1966 году я решил издать фотоальбом о Кузнецове и начал планомерные поиски материалов. Побывал в Талице — на родине Кузнецова, ездил по «кузнецовским местам» на Украине, по музеям страны, встречался с друзьями, боевыми товарищами героя. Вскоре фотоальбом вышел из печати (Свердловск, 1968).

В последующие годы поиски продолжались. Вновь побывал в местах, где проходили детство, юность и трудовая деятельность будущего разведчика. Ездил на Украину в города Ровно, Здолбунов, Луцк, Львов, где Николай Иванович действовал как разведчик в тылу врага. И всюду со мной был неразлучный фотоаппарат.

Встречи и беседы с людьми, близко знавшими Кузнецова по совместной учебе и работе в довоенные годы, помогли полнее узнать его биографию. Неоценимую помощь в этой работе оказали бывшие боевые сподвижники Николая Ивановича. Это комиссар отряда Сергей Трофимович Стехов, помощник командира отряда по разведке Александр Александрович Лукин, разведчики Николай Акимович Гнидюк, Николай Владимирович Струтинский, Михаил Макарович Шевчук, Валентина Константиновна Довгер, Мария Александровна Фортус, Альберт Вениаминович Цессарский, вдова Медведева — Татьяна Ильинична Медведева и многие другие. Они щедро делились своими воспоминаниями, предоставляли имеющиеся у них семейные архивы.

Так удалось найти новые, ранее не известные фотографии и документы, узнать историю их появления. Отдельные из них требовали серьезной реставрации. Потребовалось немало усилий, чтобы вернуть им вторую жизнь.

Ряд фотографий и документов пересняты из фондов Центрального музея Вооруженных Сил СССР в Москве, музея Прикарпатского военного округа во Львове, Свердловского, Ровенского областных и Кудымкарского окружного краеведческих музеев, Талицкого и уралмашевского музеев имени Н. И. Кузнецова.

Автор выражает искреннюю благодарность всем, кто оказывал содействие и помощь в этой работе.

ШАГ В БЕССМЕРТИЕ

В годы Великой Отечественной войны с фашистской Германией советские люди совершили много героических подвигов на фронте и в тылу. Известны имена тысяч героев. Но подвиг отважного

партизана-разведчика Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова — явление совершенно исключительное. Действуя в составе знаменитого партизанского отряда Д. Н. Медведева в тылу врага, Н. И. Кузнецов занимался разведывательной работой в оккупированных фашистами городах Ровно и Львове, добывал ценные сведения о противнике, о планах фашистского командования. Работать приходилось в неимоверно трудных условиях, на каждом шагу разведчика подстерегала смертельная опасность. Но еще труднее было жить среди палачей, находиться в атмосфере человеконенавистничества, подлости, зверства, поддерживать с ними приятельские отношения.

На фронте солдат, идущему в бой, трудно, но он чувствует локоть товарища, он охвачен общим наступательным порывом, азартом боя. Разведчик в тылу действует самостоятельно, один. Надеяться приходится чаще всего только на себя. В случае провала — мучительная смерть. В такой обстановке требуется героизм особого рода. Одной храбрости мало. Разведчик должен обладать большим умом, силой воли и находчивостью, высоким чувством патриотизма.

Николай Иванович Кузнецов знал, что для выполнения святого долга перед Отчизной в любой момент может потребоваться отдать жизнь. И он был готов к этому.

Появившись в Ровно под именем обер-лейтенанта Пауля Зиберта, Кузнецов быстро освоился в городе, завел нужные знакомства с офицерами, с высокопоставленными гитлеровцами. Выдавая себя за сына крупного помещика из Восточной Пруссии, Зиберт-Кузнецов щедро угощал своих «друзей», располагал их к себе, входил в доверие.

За короткое пребывание в Ровно Кузнецов раскрыл местонахождение ставки Гитлера под Винницей, получил сведения о предстоящем крупном наступлении немецких войск в районе Курска, о готовящемся покушении на глав правительств СССР, США, Великобритании, которые должны были собраться на Тегеранской конференции в ноябре 1943 года.

Это он, Кузнецов, среди белого дня на улицах Ровно и Львова совершил акты возмездия над фашистскими генералами Гелем, Даргелем, Кнутом, Бауэром. Это он, вместе с боевыми товарищами, выкрал командующего особыми карательными отрядами генерала фон Ильгена.

И наконец, это он же, Кузнецов, уничтожил главного судью оккупированной Украины, фашистского палача генерала Функа.

История мировой разведки почти не знает примеров, чтобы крупный разведчик, разведчик стратегического направления, выступал еще и в роли боевика. Также не было разведчика, который бы за короткое время сделал столько, сколько удалось Кузнецову.

Он был разведчиком высшего класса, но его фантастические подвиги были возможны благодаря тому, что это были коллективные действия всего отряда «Победители». Разведчик имел надежные документы, был обеспечен конспиративными квартирами, транспортом, связью, деньгами. И тем не менее нет предела удивлению перед личным мужеством Н. И. Кузнецова, его поистине сверхчеловеческим самообладанием, дерзостью и отвагой.

Сам по себе напрашивается вопрос: откуда все это взялось? Как произошло, что крестьянский парень из глухой уральской деревни вырос человеком большой культуры, незаурядного интеллекта и невиданного мужества? Случайность? Безусловно исключается. К своему подвигу Николай Кузнецов шел целеустремленно. Его воля, характер формировались в трудное, неповторимое время первых пятилеток, в период индустриализации и коллективизации нашей страны. Воспитанный комсомолом и Коммунистической партией, Николай Иванович оставался до конца преданным сыном своего народа.

Он прожил короткую жизнь — всего тридцать два года, — но яркую, как звезда.

Жизнь человека измеряется не только количеством прожитых лет, а и тем, что он сделал для людей. Кузнецов сделал очень много, невероятно много. Он ушел в бессмертие, оставаясь жить среди людей как вечный пример мужества.

НАЧАЛО БИОГРАФИИ

Николай * Иванович Кузнецов родился 27 июля 1911 года в деревне Зырянка Талицкого района Свердловской области, в семье крестьян Ивана Павловича и Анны Петровны Кузнецовых. Детство и юность прошли в родном краю. Здесь он окончил начальную сельскую школу, а затем школу-семилетку в Талице. Учился хорошо, был заводилой во всех школьных делах. Но одна особенность отличала Кузнецова от его сверстников — это раннее увлечение немецким языком.

В школе обнаружили его незаурядные способности лингвиста, он легко и быстро усваивал немецкий язык. Его учительница, Нина Николаевна Автократова, в свое время получила образование в Швейцарии, хорошо владела иностранными языками, она-то и сумела приохотить мальчика к изучению немецкого.

* Первоначальное имя его было Никанор. Но потом, уже работая в Кудымкаре, он сменил имя Никанор на Николай, что и было оформлено загсом в 1931 году.

УЧЕБА В ТЕХНИКУМЕ

Осенью 1926 года Николай Кузнецов поступил учиться на первый курс агрономического отделения Тюменского сельскохозяйственного техникума. Здесь он вступил в комсомол. Но учиться пришлось всего лишь год. Неожиданно умер отец, и Николай вернулся домой.

В 1927 году Кузнецов поступил на первый курс Талицкого лесного техникума. В техникуме кроме лесотехнических дисциплин студентов обучали умению читать карты и планы, ориентироваться на местности, особенно в ночное время. Учебным планом предусматривались и тактические занятия в учебно-опытном хозяйстве. В суровую холодную погоду, иногда ночью, студенты совершали лыжные походы на 25—30 километров. На занятиях по военному делу изучали материальную часть оружия, учились метко стрелять.

Учиться было нелегко, но интересно. В техникуме иностранный язык не преподавался, однако увлечение немецким языком у Кузнецова осталось. Он настойчиво продолжал изучать его самостоятельно. Узнав, что в Талице живут два бывших военнопленных немца, осевшие на Урале со времен первой империалистической войны, Николай познакомился с ними, встречался, чтобы поговорить по-немецки. Большой его страстью были книги. Особенно его интересовала литература о героических подвигах русского народа.

В КУДЫМКАРЕ

Трудовую биографию Николай Кузнецов начинал в Коми-Пермяцком национальном округе — городе Кудымкаре, куда он приехал в апреле 1930 года по направлению техникума. Работал таксатором по устройству лесов в окружном земельном управлении. Руководил группой лесоустроителей, которые прокладывали таксационные визиры, определяя запасы леса, прорубали просеки, делили таежные леса на кварталы, отводили делянки для рубки, составляли геодезические планы.

В Кудымкарском лесхозе до сих пор хранятся картографические материалы лесных дач, на которых стоят подлинные подписи: «Таксатор Н. Кузнецов». В 1932 году, во время отпуска, Кузнецов успешно сдал экзамены и поступил учиться на заочное отделение Уральского индустриального института в Свердловске, по-прежнему продолжая самостоятельно изучать немецкий язык.

Когда Кузнецов жил в Кудымкаре, многие просто поражались тому, как он свободно разговаривал с коми-пермяками на их род-

ном языке. Ему потребовался всего лишь год, чтобы в совершенстве овладеть этим трудным языком.

У коми-пермяцкого поэта Степана Караваяева, хорошо знавшего Николая Ивановича, в стихотворении, посвященном Кузнецову, есть такие слова:

...Как нашей Пармы житель коренной,
С открытым сердцем, с дружелюбием братским
Ты спорил о поэзии со мной
На нашем языке, коми-пермячком.

В Коми-Пермяцком округе молодой техник вместе с лесоустроителями исколесил весь таежный край. Здесь он почувствовал себя специалистом лесного хозяйства, испытал радость самостоятельного труда. Здесь будущий разведчик впервые познал трудности походной жизни в борьбе с лесными буреломами, топкими болотами. Научился беречь огонь костра и тепло человеческой дружбы.

Несколько лет назад в фондах Кудымкарского окружного краеведческого музея обнаружили папку в сером дерматиновом переплете с гербарием пятидесяти растений. Поразила надпись, которая оказалась внутри: «25/VIII — 1928 г. ТЛТ. 2 курс. Н. Кузнецов».

Неужели это тот легендарный разведчик?

Стали листать страницы гербария. На каждой из них внизу также была приписка: «Талицкая лесная дача. Н. Кузнецов». Да, папка когда-то принадлежала будущему Герою Советского Союза Николаю Ивановичу Кузнецову. Но как она попала в Кудымкарский музей?

Ответом на этот вопрос послужил небольшой листок бумаги, вложенный между страницами. На нем рукой Кузнецова написано: «Музею от Кузнецова Николая Ивановича

24-го января 1933 г.

Гербарий собран в Талицком районе Уральской области».

Оказывается, еще в техникуме Кузнецов увлекался ботаникой. Тогда и начал собирать гербарий. Растения собраны несколько десятков лет назад, но хорошо сохранились. Старательным юношеским почерком написаны названия каждого растения по-русски и по-латыни.

Папка с гербарием, собранным Н. И. Кузнецовым, преподнесенная затем им в дар музею, занимает теперь почетное место в экспозиции «Николай Иванович Кузнецов в Кудымкаре».

В городе многое напоминает о легендарном разведчике. Его именем в Кудымкаре названы улица, средняя школа. На домах, где жил и работал Н. И. Кузнецов, установлены мемориальные доски, возле школы воздвигнут памятник.

Учеба в Талицком лесном техникуме и четыре года работы лесоустроителем оставили на всю жизнь у Николая Ивановича память об уральской тайге. И теперь понятию, почему его товарищи по партизанскому отряду говорили о большой любви Кузнецова к лесу.

Партизанский врач Альберт Цессарский вспоминал: «Я немного знал немецкий язык, даже мог разговаривать по-немецки. Это как-то сблизило нас с Кузнецовым. Он часто рассказывал мне о лесе, объяснял, где и как растут разные породы деревьев, как и когда они цветут, для какой цели используется древесина в промышленности».

Бывший партизан Борис Черный рассказывал, как Кузнецов порой, сидя у костра, восторженно говорил:

— Эх, ребята! Видели бы вы наши уральские леса! Что за прелесть! Какая красота... Сколько разного зверья в них водится! Если доживете до победных дней — обязательно посетите Урал...

В БОЛЬШОЙ ЗАВОДСКОЙ СЕМЬЕ

В 1934 году Н. И. Кузнецов приехал в Свердловск. Стал работать статистиком треста Свердловлес. С заочного отделения промышленного института он перешел на вечернее и одновременно поступил на курсы немецкого языка.

В мае 1935 года Н. И. Кузнецов поступил на Уралмашзавод расцеховщиком бюро технического контроля конструкторского отдела. В его служебные обязанности входило следить за продвижением чертежей по цехам завода.

В те годы на Уралмаше работали немецкие специалисты, которые вели монтаж и наладку оборудования, закупленного в Германии. По долгу службы Кузнецову приходилось довольно часто общаться с немцами. В беседах с ними он совершенствовался в разговорном немецком языке. Учеба на курсах немецкого языка, где он изучал грамматику, делал переводы по словарю, во многом способствовала успешному усвоению языка.

С некоторыми из немецких специалистов Николай Иванович завел даже близкое знакомство, бывал у них дома, усваивал обычаи и нравы, психологию, привычки, манеру поведения, подражал им.

Внешне Кузнецов походил на немца, одевался «под иностранца», и немецкие специалисты не хотели верить, что он русский. Они считали его немцем, даже спрашивали, почему он скрывает свою национальность.

В коллективе завода-гиганта Кузнецов прошел большую жиз-

ненную школу. Здесь сложился его характер, соединивший в себе редкое упорство, целеустремленность и находчивость.

В 1936 году Кузнецов окончил институт и стал квалифицированным инженером.

* * *

На Уралмаше живут ветераны, знавшие Николая Ивановича по совместной работе. Среди них Валерий Степанович Шеломов, работавший тогда контрольным мастером по токарным операциям цеха № 1. В одном из документов на обработку деталей он обнаружил расхождение между спецификацией чертежа и маршрутной технологией. О замеченной неточности Шеломов сообщил в конструкторский отдел. Вскоре к нему на участок пришел высокий, стройный блондин.

— Николай Кузнецов,— отрекомендовался он.— Явился по вызову.

Вопрос с чертежами был быстро решен.

— Скажите,— спросил Кузнецов,— не ваша ли фамилия стоит под объявлением о занятии секции альпинистов?

Шеломов в то время по общественной линии действительно возглавлял на Уралмаше заводскую секцию альпинизма и туризма. Перед тем он как раз развесил по цехам объявления, в которых извещалось, что в выходной день состоится очередное занятие секции с выездом в Полевское, на Азов-гору.

Получив утвердительный ответ, Кузнецов попросил взять его с собой. Так будущий легендарный разведчик начал заниматься альпинизмом. Позднее, вместе с альпинистами, Кузнецов выезжал на занятия по скалолазанию на Чертово Городище около железнодорожной станции Исеть, на скалы Семь Братьев под Верх-Нейвинском.

Шеломов вспоминал также, как он ездил с Кузнецовым на охоту в низовья реки Адуй и на Чусовую. Стрелял Кузнецов отлично, недаром на лацкане пиджака у него был значок «Ворошиловский стрелок». Еще любил Николай прыгать с парашютных вышек, изучил все подобные вышки в Свердловске. А узнав, что в Первоуральске имеется парашютная вышка, которая выше самой большой свердловской на несколько метров, уговорил своих товарищей отправиться в Первоуральск.

За хорошую работу Шеломова в цехе премировали фотоаппаратом «Фотокор № 1», и как-то летом 1935 года Кузнецов пригласил его поехать на массовку вместе с сотрудниками конструкторского отдела, попросив взять с собой фотоаппарат. На Московском тракте, около обелиска Европа — Азия, Шеломов сделал групповой

снимок, потом снял всех в лесу на поляне. К великому сожалению, негативы эти затерялись.

До нас дошли лишь пожелтевшие фотографии, сохранившиеся у некоторых участников той далекой массовой. Но они в наши дни считаются уникальными. Это единственные фотографии, на которых Николай Иванович Кузнецов снят со своими уралмашевскими сослуживцами. Узнать более подробно о людях, снятых на этих фотографиях, о Николае Ивановиче Кузнецове помогла одна из участниц поездки — бывший техник экскаваторного бюро, ныне инженер, начальник группы бюро горизонтальных прессов Людмила Сергеевна Сатовская.

— Сколько помню,— рассказывала Людмила Сергеевна,— даже на массовой Кузнецов всегда брал с собой книги, в том числе и на немецком языке. Любил уходить в лес и читать. Но в компаниях Николай Иванович всегда был заводилой, балагуром. Однако он удивлял нас своим внешним видом: носил клетчатое пальто и шляпу, порой появлялся в галифе с крагами и тросточкой в руках, копируя немцев. Случалось, что в разговоре неожиданно переходил с русской речи на немецкую. Мы считали поэтому его оригиналом и чуточку побаивались...

В СЛАВНОЙ КОГОРТЕ ЧЕКИСТОВ

Весной 1938 года Кузнецов с родного Урала переехал в Москву. Служил в органах государственной безопасности, выполняя особые задания Родины. Вспоминая то время, он в одном из своих писем в сентябре 1941 года писал: «Последние три года я, за коротким исключением, провел за границей, объехал все страны Европы, особенно крепко изучил Германию».

В Москве Кузнецов тоже продолжал совершенствовать свои знания немецкого языка.

В его квартире была большая библиотека книг на немецком языке по разным отраслям знаний. Он изучал немецкую литературу и искусство, историю и экономику страны, философию. На память знал много немецких стихов и песен.

* * *

Началась Великая Отечественная война с фашистской Германией. Н. И. Кузнецов, как и все патриоты нашей Родины, рвался на фронт. Вскоре он был зачислен в воздушно-десантные войска. Перед отправкой в действующую армию Кузнецов пишет друзьям письма, полные пламенной любви к Родине, веры в победу над

заклятым врагом. В письме своему соученику по техникуму, другу комсомольской юности Ф. А. Белоусову он писал:

«Москва, 8 июля 1941 года.

Милый Федя!

В этот грозный для нашей любимой Родины час я решил тебе, моему лучшему другу юности, высказать наболевшие мысли. Я еду послезавтра на фронт, назначен я на самый ответственный участок в парашютно-десантные части. Будем выполнять очень ответственное задание нашего командования. Мало шансов на то, что я останусь жив в этой грозной борьбе с ненавистным Гитлером. Ты сам понимаешь, что десанты высаживаются не для прогулки и не дома. Но если суждено умереть, то я до последнего дыхания буду громить всех гадов, посягнувших на святую нашу землю, политую нашим потом и кровью нашего народа. Не бывать по-ихнему, будем уничтожать их как ядовитых гадов беспощадно! И если погибну я, то пусть память о нашей дружбе будет всегда с тобой, мой друг. Тогда отомсти фашистским гадам за меня, если придется, не давай им пощады. Мой брат Виктор сражается уже на передовой линии, он был в армии в Барановичах, вестей нет, может, погиб, буду мстить и за него. Я полон сознания, что наше дело правое и мы уничтожим фашистского изверга. Если буду иметь возможность писать с фронта, то напишу, если буду жив.

Привет всем друзьям.

Твой друг юности Ника».

Второе письмо, от 6 сентября 1941 года, адресовано в Талицу, Прохоровым, у которых Кузнецов жил на квартире, когда учился в 6-м классе школы-семилетки.

«Думаю, что вы не все вместе живете, как когда-то, но, не зная адресов, решил я написать вам всем вместе... в моем представлении вы все те же, что были много лет назад. Много событий произошло с тех пор в моей жизни. Есть что вспомнить, есть о чем рассказать, но подробно поговорим, если увидимся после войны, после победы над обнаглевшим врагом, который пытается осквернить нашу священную землю. Но не бывать этому. Все бандитские армии Гитлера найдут свою бесславную смерть на нашей земле, в этом мы все твердо уверены и готовы для выполнения этого отдать свою жизнь... Правда на нашей стороне, и мы победим.

Сейчас я снова в Москве... Зачислен в парашютно-десантные части РККА и в ближайшие дни отправляюсь на выполнение специального задания нашего Верховного командования. Сейчас идет усиленная подготовка. Самочувствие прекрасное. Больше писать о работе не буду. Вы сами понимаете, но могу заверить вас, что каждая кочка, каждый куст далеко в тылу у немцев будут стрелять

по ним, земля загорится под ними, не найдут они жизни и у себя в Германии, везде их поджидает лютая смерть и поголовное уничтожение...

Привет всем друзьям.

Ваш Николай Кузнецов».

Однако на фронт Николай Иванович тогда не попал. Приказ о зачислении Кузнецова в парашютно-десантную часть был отменен более высоким и, главное, более дальновидным начальником, который решил, что чекиста с таким блестящим знанием не только немецкого языка, но и Германии, да еще с типично арийской внешностью использовать в обычном парашютно-десантном подразделении просто нецелесообразно. Куда больше пользы будет, если его использовать в разведке.

Весной 1942 года стал формироваться партизанский отряд особого назначения «Победители» для разведки в глубоком тылу противника. Во главе отряда были поставлены испытанные коммунисты, прошедшие огонь гражданской войны,— чекисты полковник Дмитрий Николаевич Медведев и майор Сергей Трофимович Стехов.

Герой Советского Союза Дмитрий Николаевич Медведев еще юношей вступил в Красную гвардию, сражался на фронтах гражданской войны. В 1920 году стал членом РКП(б) и в этом же году начал работать в ВЧК. Он обладал огромным опытом чекистской работы школы Ф. Э. Дзержинского, знанием человеческой психологии. Обладал железной волей, строгим и требовательным характером и в то же время умел быстро располагать к себе людей. Был отважен и фантастически находчив.

Замполит Сергей Трофимович Стехов во многом дополнял командира отряда. Член партии с 1918 года, он всю жизнь посвятил воспитанию людей. Всегда находился среди бойцов, был душой отряда и, как свидетельствует разведчик Николай Гнидюк, «умел зажигать сердца партизан ненавистью к врагу, пробуждать в них чувство любви к Родине, к партии... Во время боев Сергей Трофимович был впереди и всегда там, где требовалась его помощь».

В состав отряда включили и разведчика, который под видом немецкого офицера мог бы находиться среди оккупантов, проникать в различные учреждения и вести разведывательную работу. Этим разведчиком и был Николай Иванович Кузнецов, в совершенстве владевший немецким языком.

Вначале предполагалось, что Кузнецов будет вести разведку под видом офицера военно-воздушных сил. У многих военнопленных летчиков были при себе личные фотографии. Решили, что Николай тоже запасется подобными атрибутами.

Фотографирование происходило в подмосковном лесу. Николай Иванович в мундире офицера «Люфтваффе» старался принимать

позы, которые видел на фотографиях у гитлеровцев. Затем с негативов отпечатали несколько снимков на немецкой фотобумаге и поставили немецкие штампы. Эти снимки Кузнецов должен был захватить в тыл с собой. Потом было решено, что для выполнения задания лучше быть офицером сухопутных войск, однако он не должен служить в каком-либо учреждении или воинской части, расквартированной в этом городе, а бывать здесь как бы в командировках. Дело в том, что внедрить разведчика куда-либо на службу к немцам за короткое время практически было невозможно.

По новой легенде, Н. И. Кузнецов будет действовать под именем офицера Пауля Зиберта, уроженца Восточной Пруссии.

Началась длительная многосторонняя подготовка. Одного знания немецкого языка было, конечно, мало. Чтобы по-настоящему перевоплотиться в немецкого офицера, Кузнецову пришлось досконально изучить структуру и уставы Германского вермахта, усваивать манеры и нравы фашистов, то есть стать немцем и по характеру, и по привычке, и по всему поведению. Для этого Николай Иванович, одетый в немецкую форму, подолгу находился среди военнопленных, беседовал с ними. За короткое время ему надо было вжиться в образ Пауля Зиберта, в чужом мундире стать своим среди чужих.

Подготовкой Кузнецова занимались чекисты А. С. Вотоловский, Л. И. Сташко, С. Л. Окунь, Ф. И. Бакин и другие.

До наших дней дожил только С. Л. Окунь. Вот выдержка из его воспоминаний о подготовке Кузнецова в Москве из книги «Грачев — Центру», изданной Политиздатом.

«Поставленная руководством перед нами задача — подготовить Николая Ивановича к выполнению столь ответственного задания — была очень сложная...

Некоторые авторы пишут о Кузнецове как о человеке с чуть ли не врожденным талантом разведчика, изображают его самоучкой-разведчиком, который в логове врага проводил блестящие операции, удивлявшие даже гитлеровцев своей дерзостью и находчивостью. Но все обстоит далеко не так. Необходимо было многому его научить, предусмотреть буквально все, вплоть до мелочей, огромного количества мелочей — от меток на белье до содержимого бумажника. Незнание любой из них могло провалить разведчика. Так не раз случалось. Беда подстерегла нашего товарища только из-за того, что он прикурил сигарету не так, как обычно делали там, где ему довелось работать. Или один разведчик зашел в костел и перекрестился по-христиански, справа налево, тогда как католики крестятся наоборот, слева направо.

Многое, очень многое должен знать разведчик.

Немало хлопот и беспокойства доставила чекистам, обучавшим

Кузнецова, экипировка Пауля Зиберта. Само собой разумеется, что ст носков до носового платка — все на нем должно быть немецкого происхождения. Мундир и брюки позаимствовали у настоящего офицера, а сапоги сшили военнопленные в лагере. А вот когда гладили брюки, под кожей, которой они были обшиты, нащупали что-то твердое. Подпоролы кожу и извлекли из-под нее золотой фамильный перстень с монограммой. Это был очень полезный атрибут офицера-аристократа. Монограмму переделали так, чтобы она соответствовала имени нового владельца перстня, и вручили перстень Паулю Зиберту — Кузнецову.

О том, насколько в совершенстве Николай Иванович владел немецким языком, говорит эпизод, рассказанный С. Л. Окунем.

В те дни с Кузнецовым произошла парадоксальная история. В одном из лагерей, куда чекисты поместили Николая Ивановича для более успешной подготовки на роль немецкого офицера, была собрана группа «его земляков». Из них было организовано что-то наподобие студии художественного слова. Среди этих любителей поэзии находился один режиссер из Берлинского драматического театра, который занимался постановкой дикции актеров. Здесь, в лагере, он учил «студийцев», как правильно надо читать Шиллера и Гете. Но никто из учеников не мог угодить строгому «ментору». Лишь одним декламатором режиссер остался доволен. Им был... Кузнецов. Указывая на него, режиссер говорил: «Вот только у этого господина классическое литературное произношение...»

Подготовка разведчика подходила к концу. Изучая всякого рода документы о Восточной Пруссии, Кузнецов в конце концов настолько познал этот край, словно родился и вырос там. Теперь впереди главное испытание — жизнь, работа в логове врага.

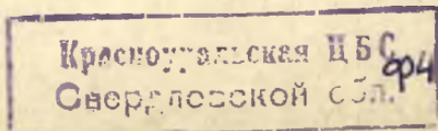
Перед отправкой в тыл врага Николай Иванович написал письмо брату Виктору.

«...В ближайшие дни отправляюсь на фронт. Лечу на самолете. Витя, ты — мой любимый брат и боевой товарищ, поэтому я хочу быть с тобой откровенным перед отправкой на выполнение боевого задания.

Война за освобождение нашей Родины от фашистской нечисти требует жертв. Неизбежно приходится пролить много своей крови, чтобы наша любимая Отчизна цвела и развивалась и чтобы наш народ жил свободно.

Для победы над врагом наш народ не жалеет самого дорогого — своей жизни. Жертвы неизбежны. И я хочу откровенно сказать тебе, что очень мало шансов за то, чтобы я вернулся живым. Почти сто процентов за то, что придется пойти на самопожертвование.

И я совершенно спокойно и сознательно иду на это, так

как глубоко сознаю, что отдаю жизнь за святое правое дело, за настоящее и цветущее будущее нашей Родины.

Мы уничтожим фашизм, мы спасем Отечество. Нас вечно будет помнить Россия, счастливые дети будут петь о нас песни, и матери с благодарностью и благословением будут рассказывать детям о том, как в 1942 году мы отдали жизнь за счастье нашей горячо любимой Отчизны. Нас будут чтить и освобожденные народы Европы.

Разве может остановить меня, русского человека, большевика, страх перед смертью? Нет, никогда наша земля не будет под рабской кабалой фашистов. Не перевелись на Руси патриоты, на смерть пойдем, но уничтожим дракона.

Храни это письмо на память, если я погибну, и помни, что мстить — это наш лозунг. За пролитые моря крови невинных детей и стариков месть фашистским людоедам! Беспощадная месть. Чтoб в веках их потомки заказывали своим внукам не совать своей подлой морды в Россию. Здесь их ждет только смерть...

Перед самым отлетом я еще тебе черкну. Будь здоров, братец. Целую крепко.

Твой брат Николай».

ЗАБРОСКА ДЕСАНТОВ

Местом действия отряда была выбрана Ровенская область. Город Ровно фашисты превратили в «столицу» оккупированной Украины. Здесь разместился рейхскомиссариат, верховный суд, десятки военных штабов и оккупационных учреждений.

В двенадцати километрах от Ровно находился крупный железнодорожный узел — станция Здолбуново. Она приобретала для гитлеровцев особое значение — становилась главной транспортной артерией, по которой осуществлялось все основное снабжение фашистской армии на восточном фронте. Партизанам предстояло прочно обосноваться в лесах Ровенщины и направить в эти пункты своих разведчиков.

В короткое ночное время мая — июня 1942 года с подмосковного аэродрома несколько раз поднимался транспортный самолет с бойцами отряда «Победители». Они летали в тыл врага.

Десантники высаживались далеко от Ровно, в районе станции Толстый Лес Юго-Западной железной дороги, на территории Чернобыльского района Киевской области, а отсюда пешком перешли к месту действия в ровенские леса.

Но каким трудным для партизан оказался этот переход!

В книге «Сильные духом» Д. Н. Медведев вспоминал: «Мы шли

по ночам, а днем отдыхали, располагаясь прямо на земле. Мы мокли в болотах и под проливными дождями. Не давали покоя комары. Не было ни хлеба, ни картофеля, и, бывало, сутками шли голодные. В хутора и деревни заходили только разведчики, и то с большой осторожностью, чтобы не выдать движения отряда.

Мы шли со всеми препятствиями, какие только мыслимы, и поэтому двести километров по карте фактически превратились для нас в пятьсот...

Особенно тяжело приходилось раненым, каждый бугорок, каждая коряга, оказавшиеся под колесами повозок, отзывались острой болью. В болотистых местах колеса повозок увязали по ступицы, и лошади не в силах были их вытянуть. Тогда мы распрягали лошадей и на себе вытаскивали повозки...»

К этому надо добавить, что на пути следования партизан им не раз приходилось вступать в бой с карательными отрядами немцев.

Н. И. КУЗНЕЦОВ В ОТРЯДЕ «ПОБЕДИТЕЛИ»

Известно, что Кузнецов в отряд к Медведеву был заброшен 25 августа 1942 года. Ему отводилась особая роль, а потому, в целях конспирации, в отряде его знали очень немногие, да и то как Грачева Николая Васильевича*.

Первое время пребывания в лесу Кузнецов все еще усиленно готовился к своей трудной и сложной роли, которую предстояло сыграть ему в Ровно. Вот что рассказал об этом периоде С. Т. Стехов:

— С Кузнецовым нас связывала большая дружба. Нередко мы вдвоем уходили далеко в глубь леса и долго говорили по душам. Кузнецов рассказывал о прошлом, делился планами. Его отличала высокая образованность, начитанность. Он хорошо знал русскую и немецкую литературу, в том числе поэзию. Любил декламировать произведения Максима Горького. И еще — петь. Где звучали песни, значит, там и Кузнецов. Нравилась ему песня «Ревела буря, дождь шумел». Пел он вдохновенно, дирижируя, по обыкновению, сам себе. Особенно воодушевлялся, когда доходил до слов:

Нам смерть не может быть страшна,
Свое мы дело совершили...

В отряде, где было много украинцев и поляков, Николай Иванович быстро научился разговаривать на их языках. В своих дейст-

* В дальнейшем в книге он везде выступает под своей настоящей фамилией.

виях всегда был исключительно собранным, все взвешивал, проверял, выверял. Часто один уходил в лес. На вопрос, зачем он уходил, Кузнецов отвечал, что в лесу, наедине, он мысленно представляет всевозможные ситуации, которые могут возникнуть при общении с немцами в городе, и тут же ищет на них ответ.

Изучая устав немецкой армии, Кузнецов старательно отработывал произношение отдельных слов. Он объяснял: рядовой фашистский офицер эти слова произносит обычным тоном, а поскольку разведчику предстоит выдавать себя за офицера из богатой юнкерской семьи, то эти же слова он должен будет произносить с пренебрежением, высокомерно. И он искусно демонстрировал это, выдвигая нижнюю челюсть вперед.

В быту Николай Иванович с немецкой пунктуальностью следил за своим внешним видом. По утрам он умывался так, как это делают немцы-аристократы. При себе он имел изящный несессер с набором необходимых принадлежностей для утреннего туалета. Освежался дорогими духами.

Когда Николай Иванович считал себя уже вполне подготовленным для выхода в город, обнаружилось одно непредвиденное обстоятельство: во сне он иногда разговаривал и, конечно, по-русски. Это могло выдать его. Перед разведчиком встала новая нелегкая задача — заставить себя и во сне разговаривать по-немецки. Для этого Николай Иванович приказал дневальным ночью будить его через каждые 20—30 минут, чтобы глубоко не засыпать, и в это время он самовнушением тренировал свой мозг. Но как узнать, заставил он себя во сне говорить по-немецки или нет?

Решили провести ряд экспериментов. Спящего обливали холодной водой, огнем касались голых ног. Это делалось для того, чтобы у сонного вызвать резкий испуг и проверить, на каком языке он произнесет первые слова. Было трудно, нечеловечески трудно, но, обладая волевым характером, Кузнецов заставил себя и во сне разговаривать по-немецки.

РАССКАЗ МАРИИ ФОРТУС

Мария Александровна Фортус находилась в отряде до апреля 1943 года, была парторгом. Известно, что основой для сюжета кинофильма «Салют, Мария!» послужила ее удивительная жизнь.

Еще до Великой Отечественной войны Мария Александровна была награждена орденами Ленина и Красного Знамени — так Родина отметила ее заслуги на фронтах в Испании. Мария Александровна Фортус рассказала несколько эпизодов из жизни отряда. Вот один из них:

— Однажды произошел такой случай. Прилетевший в отряд ночью самолет при посадке потерпел аварию. Экипаж и пассажиры отделались легкими ушибами. О ремонте самолета не могло быть и речи. Командир отряда приказал снять все необходимое оборудование, вооружение, боеприпасы и самолет сжечь, чтобы он не достался врагу. Но пламя неожиданно поднялось выше леса. Это могли заметить фашисты. Поэтому командир решил перевести отряд в другой район. Переход предстоял через населенные пункты, где могли быть предатели. Надо было как-то заставить местное население хотя бы временно покинуть свои места. Немцы это могли сделать просто — силой оружия. Партизаны же так поступить не могли. Посоветовавшись с Н. И. Кузнецовым, Медведев пошел на хитрость. Накрыли дорогим ковром пароконную бричку, на заднее сиденье сели Кузнецов и я. За кучера в форме полицака был партизан Николай Приходько. Когда выехали из леса, Николай Иванович снял с себя комбинезон и оказался в мундире немецкого офицера с погонами обер-лейтенанта. Дорогой Кузнецов расспрашивал меня о гражданской войне, о борьбе с бандами петлюровцев и гайдамаков на Украине.

Был он прост, беседовал непринужденно. Но как только мы стали подъезжать к первому селу, Кузнецов на глазах преобразился. Фуражку надвинул низко на глаза, весь выпрямился, голову вскинул вверх. Взгляд его сделался жестким, колючим, а в руках появился стек, которым он похлопывал по голенищам сапог. Мне предстояла роль переводчицы с немецкого на украинский.

В селе Кузнецов приказал прислать к нему старосту. Тот быстро явился, бормоча: «Герр офицер... Герр офицер... Что прикажете?» Кузнецов объявил, что он назначен новым комендантом района и закричал: «У вас кругом партизаны, а вы их прикрываете! Вы все заодно с ними!» — Я едва успевала переводить. Кузнецов продолжал: «Ночью в лесу горел большой костер... Вы видели это! Почему не сообщили в комендатуру? Сегодня вечером через село пойдет немецкая колонна, и чтобы в это время не было в селе ни одного человека. Если же не будет выполнен мой приказ, то я сожгу все дома дотла, а вас всех перевешаю, сотру в порошок!» При этом он несколько раз ударил старосту стеком.

«Сделаем, исполним, господин комендант!» — повторял перепуганный староста. Но вот Кузнецов вскочил в бричку, ткнул стеком кучера и коротко приказал: «Поехали дальше».

Так было еще в двух местах. А когда мы возвращались обратно, Кузнецов снял фуражку, расстегнул мундир, свободно вздохнул и снова стал самим собой.

Задание командира было выполнено, и отряд благополучно прошел по намеченному маршруту.

— Я часто думала,— продолжала рассказ Мария Александровна,— какой же силой воли, каким умом, какими способностями надо было обладать, чтобы прямо на глазах преображаться в фашиста!

Командиром потерпевшего аварию самолета, о котором рассказала Мария Александровна, был Иван Николаевич Владимирцев.

— В 1942 году,— рассказывает Владимирцев,— на самолете ЛИ-2 я обслуживал отряд Медведева, забрасывал партизан в глубокий тыл противника. А во время подготовки они совершали тренировочные прыжки с парашютом с пилотируемого мной самолета. На таких тренировочных полетах я и повстречался с Николаем Ивановичем Кузнецовым. Мне довелось и забрасывать его с группой разведчиков в отряд к Медведеву. Той же осенью при очередном рейсе в тыл врага ночью подготовленную посадочную площадку неожиданно затянуло туманом, садились вслепую. И самолет потерпел аварию. Весь экипаж остался с партизанами. В отряде я вновь встретился с Кузнецовым. Некоторое время мы с ним жили в одной палатке. При разговорах он умел великолепно преображаться то в аристократа с подчеркнутым пренебрежением к людям, то еще в кого-нибудь. Я даже тогда думал: не был ли он раньше артистом? Сейчас-то мне понятно, почему Кузнецов вел себя именно так: он привыкал к облику обер-лейтенанта Пауля Зиберта.

В ЧУЖОМ МУНДИРЕ

В конце октября 1942 года разведчик Николай Иванович Кузнецов в форме немецкого офицера впервые появился на улицах Ровно. По документам он — Пауль Вильгельм Зиберт, обер-лейтенант 230-го пехотного полка 76-й пехотной дивизии. Заслуженный фронтовик, кавалер двух Железных крестов. На фронте был тяжело ранен — знак тяжелого ранения был приколот на мундире. После госпиталя получил отпуск с передовой и временно направлен чрезвычайным уполномоченным хозяйственного командования по использованию материальных ресурсов оккупированных областей СССР в интересах вермахта (сокращенно «Викдо»). Такая должность освобождала Зиберта от регистрации в каком-либо учреждении или воинской части, расквартированной в Ровно, позволяла разведчику, не навлекая на себя подозрений, бывать в городе как бы наездами.

Позднее в одну из поездок Кузнецова сопровождал разведчик Михаил Макарович Шевчук. Вот что он рассказал:

— Во время знакомства с городом мы случайно оказались возле военных складов, которые усиленно охранялись. При нашем появлении раздался выстрел в воздух. Ну, думаю, сейчас начнется

переполох. Кузнецов быстро подошел к часовому и наотмашь ударил его по щеке, потом строго спросил: «Ты что стреляешь? Патроны нужны на фронте!» От неожиданности солдат растерялся, потом заявил: «Здесь нельзя проходить, господин офицер». — «Теперь вижу, что нельзя, но я в городе первый раз и сюда попал случайно», — ответил Кузнецов.

— Когда мы отошли от этого злополучного места, — продолжал свой рассказ Шевчук, — у меня невольно вырвалось: «Коля! Ты с ума сошел, зачем ты это сделал?» В ответ Кузнецов сказал: «Я знаю психологию этих фашистов. Если пытаться отсюда уйти тихо, мирно — может начаться слезка. А солдат посчитал меня за строгого офицера, пощечину принял как должное и будет молчать».

После первых ознакомительных визитов Кузнецов чаще и чаще стал наведываться в Ровно. Ему надо было начинать вести разведывательную работу, добывать сведения о перегруппировке вражеских войск, о строительстве новых рубежей обороны, о планах фашистского командования. От рядовых немцев такие сведения, конечно, не получишь. Надо проникать в высшие круги военной администрации, заводить знакомства с высокопоставленными гитлеровцами. Николай Иванович обладал каким-то особым даром слушать собеседников, покорял их общительностью, вызывал на откровенность и, ни о чем не спрашивая, узнавал о многом. В разговорах с офицерами никогда не интересовался служебными делами. Эти неоценимые качества, личное обаяние и большая щедрость на угощения помогли Зиберту расположить к себе многих видных гитлеровцев, войти к ним в доверие.

И самое главное — ему удалось усыпить бдительность немецких контрразведчиков.

Сейчас об этом легко рассказывать, но как тяжело было Кузнецову играть роль ненавистного фашиста.

Работая в логове врага, Николай Иванович постоянно рисковал, всегда находился на краю пропасти. Сложность его положения усугубляло еще и то, что у немцев он нигде не служил. Все его документы были фальшивыми. Приходилось на ходу придумывать и рассказывать всякие небылицы как о своей несуществующей службе на Ровенщине, так и о мнимых похождениях на фронте. Рассказывать всевозможные истории, забавные случаи, анекдоты. Одним словом, изворачиваться.

Какую надо было иметь силу воли, каким обладать мужеством, талантом, находчивостью, чтобы ни разу не ошибиться в смертельной игре, выдавая себя за немецкого офицера! В этих условиях нужны были поистине железные нервы. Одно непродуманное действие, один неверный жест или слово могли привести к провалу.

Кузнецов был предельно осторожен. Но иногда все же допускал

промахи. От провала и подозрений его спасала невероятная сообразительность и находчивость, удивительно быстрая реакция.

Разведчик Михаил Шевчук рассказывал такой эпизод.

Как-то к нему на квартиру в Ровно зашел Пауль Зиберт. В это время у него находился немецкий офицер.

Зиберт представился немцу, и между ними завязалась беседа. Потом хозяйка дома пригласила гостей к столу. За обедом Николай Иванович взял ломоть хлеба и толстым слоем, по-русски, намазал сливочное масло. Немец с удивлением посмотрел на него и произнес: «О, как вы расточительно расходуете дорогой продукт!» Кузнецов понял, что допустил ошибку, и ни секунды не задумываясь ответил: «Не для того я пришел на Украину, чтобы на масле вкономить».

Разведчики рассказывали, что когда Николай Иванович надевал немецкий мундир и выходил на задание, сразу делался неузнаваемым. Становился типичным офицером-пруссаком: голову вскидывал, на всех смотрел свысока, надменно.

Видя Николая Ивановича таким, даже близкие ему люди и те иногда задумывались: «Действительно это Кузнецов или на самом деле какой-нибудь Пауль Зиберт?»

Но Кузнецову такие перевоплощения стоили невероятного напряжения ума, воли. И, пожалуй, самым тяжелым для него было выдавать себя за врага советской Родины, своего народа. Получался какой-то парадокс — чем искусней играл он роль немецкого офицера, тем ненавистнее был для советских людей в Ровно.

И кроме опасности оказаться раскрытым гитлеровцами над ним постоянно еще висела угроза погибнуть от рук своих же подпольщиков или партизан.

Николай Иванович говорил: «Идешь по улицам города и видишь, с какой ненавистью смотрят на тебя местные жители. Сколько у них презрения в каждом взгляде! Испытываешь такое чувство, будто тебе в лицо плюнули. В этот момент хочется подойти к человеку и сказать: «Товарищ, за что ты меня ненавидишь, ведь я такой же советский человек, как и ты».

Но сделать этого он не мог, не имел права.

БОЕВЫЕ СПОДВИЖНИКИ Н. И. КУЗНЕЦОВА

До того как обосноваться в Ровно, отдельные разведчики отряда, в основном бывшие местные жители, не раз проникали в город, изучали обстановку. Искали надежных людей. В их задачу также входила подготовка конспиративных квартир для разведчиков, в том числе и для Кузнецова — Зиберта.

В Ровно съехалось огромное сборище фашистов. Тут были и военные, и чиновники. Приехали немецкие помещики, жаждущие осваивать «восточное пространство». Собрались подонки петлюровской контрреволюции, не добитые в гражданскую войну, и всякий сброд бывших белогвардейцев, прошедших специальную подготовку в Германии. Вся эта разноликая масса шумно сновала по городу, и всюду торговали, торговали и торговали... Сделки совершались в казино и в ресторанах, в учреждениях и прямо на улицах. Коммерцией занимались все, независимо от занимаемой должности. Торговля, спекуляция для немцев в тылу были превыше всего. Каждый стремился разбогатеть любыми путями.

Первыми для выполнения опаснейшего задания были направлены разведчики Николай Тарасович Приходько, Николай Владимирович Струтинский, Николай Акимович Гнидюк и Михаил Макарович Шевчук.

Вначале каждый из них действовал самостоятельно, а потом все стали ближайшими помощниками и боевыми сподвижниками Николая Ивановича Кузнецова. Они всегда были рядом с Паулем Зибертом, вместе делили опасность, риск и невероятное напряжение в работе.

ПАРТИЗАНСКИЕ «МАЯКИ»

Отряд Медведева, как правило, располагался в лесах на расстоянии 100—120 километров от Ровно. Такая удаленность от города создавала большие трудности для разведчиков, и особенно для связных. А потому были организованы промежуточные базы, или, как их тогда называли, «маяки». Места для них выбирались подальше от посторонних глаз — на глухих хуторах, а летом иногда и в лесных чащах, но поблизости от шоссе дорог. Здесь круглосуточно дежурили партизаны по 20—25 человек, поддерживавшие связь с отрядом и с разведчиками, которые находились в городе. Главными смотрителями «маяков» назначались самые опытные партизаны-разведчики: Валентин Семенов, Владимир Ступин, Борис Сухенко, Всеволод Папков, Борис Черный.

Когда Н. И. Кузнецов и другие разведчики возвращались из Ровно в отряд, на «маяке» их обязательно встречала группа охраны и сопровождала до самого лагеря, чтобы в пути следования оградить от всяких нежелательных встреч с немцами или националистическими бандами, а кроме того, привести именно в то место, где в настоящее время располагался лагерь. Точно так же, обязательно с охраной до «маяка», они возвращались обратно.

Первое время специально для Кузнецова на «маяках» содержалось несколько хороших лошадей, на которых Николай Ивано-

вич в немецкой форме отправлялся в город. За кучера чаще других его сопровождал партизан Николай Приходько. А потом в распоряжении Кузнецова были уже мотоциклы и автомашины.

«Маяки» одновременно были еще и центральным пунктом связи. Каждому уходящему на задание в город или на другие объекты назначался свой «почтовый ящик», расположенный поодаль от «маяка». Ими служили дупло дерева, отдельный куст, муравейник и т. п. Все они держались в строжайшей тайне. По возвращении с задания каждый разведчик прятал донесение в свой «почтовый ящик» и тут же находил для себя почту из отряда. Дважды в день — утром и вечером — «почтовые ящики» проверялись.

Все донесения, доставленные разведчиками и связными от Кузнецова на «маяк», уже другими связными переправлялись в отряд. Такая система связи с отрядом была трудной, неоперативной, но надежной. О том, как проходило дежурство на «маяках», рассказал один из командиров партизанских групп на «маяках» Борис Иванович Сухенко:

— Трудностей было много, особенно если «маяк» располагался в лесу, под открытым небом. Дождь, ветер, сырость были нашими постоянными спутниками. Но, пожалуй, самыми страшными врагами были обыкновенные, простые комары. От них нигде не было спасения.

Много было хлопот с разведчиками, уходящими на задания в город. Приходилось следить, чтобы они имели соответствующий «городской вид», чтобы костюмы не были помяты, запачканы грязью, чтобы от них не пахло дымом костров, учитывать другие «мелочи».

Особенно много появлялось забот, когда разведчики вместе с Паулем Зибертом приезжали на автомашине. Приходилось пускаться на всяческие ухищрения, чтобы должным образом укрыть машину. Надо было замести следы поворота машины с дороги в лес, поднять руками всю траву, примятую колесами.

В общем, работы хватало, но мы всегда с большой радостью встречали каждого вернувшегося с задания разведчика.

Первый «маяк» под Ровно на хуторе Леоновка организовали Владимир Степанович Струтинский и Николай Иванович Кузнецов. Это было в конце октября 1942 года, во время первого выезда Кузнецова в Ровно. В селе жила Мария Степановна Мамонец, родная сестра Струтинского. Ее неприметный сельский домик стал надежным убежищем для разведчика. Из Леоновки Николай Иванович не раз отправлялся в город.

На местах бывших «маяков» на Ровенщине воздвигнуты памятные обелиски. Возле них проводятся пионерские сборы, молодежи вручаются комсомольские билеты. Здесь она дает клятву на верность Родине.

СВЯЗНЫЕ

Разведчики считались золотым фондом отряда, но не меньшим почетом и уважением пользовались связные. На фурманках, велосипедах, пешком изо дня в день они совершали свой подвиг, доставляя донесения из города на «маяк», с «маяка» в отряд и обратно.

Трудным был путь связного. В любую погоду приходилось преодолевать большие расстояния. Никто не знал, где и когда поджидает его опасность, каким неожиданностям он может подвергнуться в пути. А неожиданность провала подстерегала его на каждом шагу. Жандармские патрули и националисты-бандеровцы по дороге устраивали засады, пытаясь перехватить партизан. Многие герои не дожили до светлого Дня Победы. При выполнении боевых заданий смертью храбрых погибли связные отряда Николай Приходько, Дмитрий Лисейкин, Иван Корицкий, Авраамий Иванов, Леонид Клименко.

КОМАНДИРОВКА В РОВНО

Когда я просматривал архив Дмитрия Николаевича Медведева, который предоставила его вдова Татьяна Ильинична, в руки мне попала небольшая пожелтевшая фотография. На оборотной стороне фотографии рукой Медведева написано: «Комиссар Стехов прощается с радистом В. Орловым перед отправкой на боевую операцию. Осень 1942 года».

Мне удалось разыскать Виктора Михайловича Орлова, работавшего мастером на металлургическом заводе в городе Лысьве Пермской области. Вот что он сообщил:

— В июле 1941 года по комсомольской путевке добровольцем ушел на фронт. После специальной подготовки по радиотехнике был зачислен в отдельную мотострелковую бригаду особого назначения, участвовал в битве под Москвой. В марте 1942 года был направлен на специальные курсы по переподготовке радистов для работы в условиях глубокого тыла врага. После курсов назначен в отряд Медведева. Радисты отряда бесперебойно поддерживали связь с Москвой. Кроме того, обеспечивали связь различных подвижных групп со штабом отряда, и в этих случаях им нередко приходилось участвовать в рейдах партизанских групп по ликвидации немецких гарнизонов, по уничтожению промышленных объектов и в других операциях.

Виктор Михайлович подробно рассказывал о жизни в отряде, боевых вылазках, в которых ему приходилось участвовать, о душевных беседах у костра и, конечно, о Николае Ивановиче Кузнецове.

— Зимой отряд располагался в лесу возле села Рудне-Бобров-

ское. В лагере построили свою баню. Это был своеобразный «чум» из жердей и веток с дырой для выхода дыма. На костре в большом котле грелась вода. Однажды, как раз в тот момент, когда в бане мылись Кузнецов и радисты, от костра вспыхнули ветки на стенах «чума». А как на грех, все только намылились. В таком виде партизанам и пришлось выпрыгивать из «чума» прямо в снег...

К началу нового, 1943 года разведчики отряда прочно обосновались в Ровно. Кузнецов — Зиберт завел обширные знакомства среди немецких офицеров. Началась активная разведывательная работа. Все шло хорошо, но первое время не было оперативной связи с отрядом, который находился далеко от города, и это затрудняло доставку разведывательных данных. Срочные материалы опаздывали и теряли ценность.

Тогда командование отряда решило направить в город радиста. Первой была командирована Валентина Осмолова. Она успешно вела передачи в отряд. Потом ее отозвали для другой работы.

— Хорошо помню,— говорит Виктор Михайлович,— как вызвал меня к себе в штаб Медведев и сказал: «Товарищ Орлов, вы направляетесь на выполнение особо важного задания, связанного с большим риском, требующего от вас выдержки и спокойствия. Назначаетесь в распоряжение Николая Ивановича Кузнецова. Готовность — немедленная!»

С Лидией Васильевной Шерстневой, нашей старшей радисткой, быстро разработали код и шифр для двусторонней связи. Переодетый в форму полицая, с документами, подписанными каким-то комендантом Зурно и заверенными фашистской печатью, которая была изготовлена в отряде, в сопровождении связных Сергея Рощина и Николая Киселева я прибыл на «маяк», находившийся на Кудринских хуторах. Здесь базировалась группа из 25 партизан. С ними был и Н. И. Кузнецов. Все были рады: прибыли люди из отряда! Начались расспросы о жизни в лагере, о последних сводках Совинформбюро, о положении на фронтах.

Накануне моего приезда небольшой отряд партизан, переодетых в форму полицая, под командованием Пауля Зиберта провел дерзкую операцию. Двигаясь по тракту на санях, они подбили две встречные автомашины и захватили видных гитлеровцев, возвращавшихся с секретного совещания из Киева в Ровно. Среди пленных оказались советник военного управления связи рейхскомиссариата майор фон Райс и начальник отдела рейхскомиссариата зондерфюрер СС граф Гаан.

На «маяке» меня поместили в доме Вацлова Жигадло. Здесь же жили Николай Иванович и другие партизаны — половина группы. Остальные квартировали в другой хате, недалеко от нас. Там были помещены и пленные фашисты. Обе хаты круглосуточно охра-

ялись. Днем партизаны не показывались. На задания уходили и возвращались только на рассвете или вечером, с наступлением темноты.

— Взяв с собой рацию, я отправился с Кузнецовым на допрос пленных,— вспоминает Орлов.— В отдельной комнате я увидел двух немцев. Один из них, черноволосый, с забинтованной головой и рукой на перевязи, лежал на топчане. Ноги у него тоже, видимо, были повреждены. Это зондерфюрер Гаан. Второй — майор Райс — тучный здоровяк среднего роста, с рыжей шевелюрой и небольшими круглыми навывкате глазами, сидел на топчане возле печки. Он отделался легкой контузней.

Кузнецов допрашивал каждого в отдельности. Перед пленными он появлялся в форме обер-лейтенанта. Когда было жарко, Кузнецов расстегивал верхние пуговицы кителя. Вел себя спокойно, но был весьма настойчив.

Помню, Райс сидел за столом, перед ним лежали бумаги и карандаш. Николай Иванович расхаживал по комнате, все время задавал вопросы, заходя то слева, то справа от фашиста. Если Райс по ходу допроса начинал давать ценные сведения, Кузнецов просто кивал ему на карандаш и бумагу, предлагая записать сказанное, а если тот медлил, то Николай Иванович сам брал со стола карандаш, подавал в руки фашисту, придвигал поближе бумагу и пристально вглядывался ему в глаза. Райс не выдерживал и начинал писать.

Гаан первое время вообще не хотел отвечать на вопросы, называл обер-лейтенанта изменником, предателем... Но потом и он заговорил. После каждого допроса Кузнецов сосредоточенно обдумывал, обобщал материал, переписывал и отдавал мне для шифровки и передачи в отряд.

Допрос продолжался пять дней. Было получено много ценных сведений, а также удалось расшифровать захваченные в портфеле Райса карты дорог оккупированной гитлеровцами Украины и сведения о подземном бронированном кабеле, проложенном немцами в 1942 году в полевую ставку Гитлера в лесу возле села Коло-Михайловское под Винницей. Все эти сведения были срочно переданы по рации в лагерь.

При допросе Райса Кузнецов не упустил случая прошупать почву относительно моей будущей работы в городе. Как бы невзначай заикнулся о том, что в Ровно уже брошены и работают советские радисты. Райс ответил, что этому трудно поверить: ведь у немцев отлично поставлена пеленгационная служба. Это заявление советника связи для нас было весьма своевременным, поскольку нам с Кузнецовым только еще предстояло отправиться в Ровно.

Через несколько дней от кудринского «маяка» отъехали запряженные парой гнедых рысаков сани. В них на дорогом ковре чинно восседал Пауль Зиберт. Рядом в добротных пальто сидели Николай Струтинский, Михаил Шевчук и Николай Гнидюк. За кучера в расшитом украинском кожаном кожухе Николай Приходько и в форме полицая Виктор Орлов. Путь лежал в Здолбунов. Ехали молча. Вдруг Кузнецов обратился ко мне:

— А тебе не страшно, Виталий? (Он почему-то меня иногда называл Виталием.) Может случиться, что и не вернемся.

Ну что я ему мог ответить. Сижу, думаю о том, как лучше связь обеспечить. Это ведь не в лесу, где забросил антенну на высокое дерево — и работай себе на здоровье. В городе — совсем другое дело. Ну ничего, и там приспособимся...

В Здолбунов добрались на рассвете. На квартире у подпольщика Михаила Шмереги разгрузили взрывчатку, боеприпасы. Кузнецов помог мне снять рацию. Струтинский и Гнидюк сразу же разными дорогами отправились в Ровно, а Приходько с Шевчуком Николай Иванович послал в соседнее село обменять сани на бричку. На дворе оттепель, по городу на санях не проехать. Пока они «проворачивали» свою коммерцию, Кузнецов, побеседовав со здолбуновскими подпольщиками, составил радиogramму, которую я тут же передал в отряд.

Ночью на бричке выехали в Ровно. При въезде в город нас остановил жандармский патруль. Зиберт первым предъявил свой «зольдатенбух», и мы благополучно проследовали дальше (а ведь под сиденьем в чемоданах у нас находилась рация, везли мы и оружие).

На улицах проходящие мимо солдаты приветствовали офицера. Он небрежно отвечал.

Остановились на улице Ивана Франко, 6. Мы с Николаем Приходько стали выгружать увесистые «офицерские чемоданы». Квартира находилась на втором этаже, и со двора к ней вела открытая крутая лестница с перилами с одной стороны. Когда поднимался по лестнице с чемоданами, чуть не струсил беда — занулся о ступеньку и едва не грохнулся вниз. Зиберт набросился на меня с ругательствами. Потом в квартире, помогая мне разбирать чемоданы, словно извиняясь, Николай Иванович сказал: «Здорово я тебя там, на лестнице, отчитал. Но так надо было: во дворе стояли чужие люди». Я в шутку ему ответил, что за такое можно было бы дать и подзатыльник — ведь чуть не угробил радиостанцию. В тот же день связались с отрядом. Позднее я провел еще несколько радиосеансов. Но вот обстановка в городе резко осложнилась. Начались облавы, проверка документов на улицах и по квартирам. Видимо, сработал немецкий пеленгатор. Чтобы спасти явку, Кузнецов приказал уходить из города. На той же бричке все шесть человек

поехали на свой «маяк». Дороги были уже перекрыты и контролировались жандармами, поэтому нам пришлось выбираться по оврагам и какому-то скотскому кладбищу. Эти закоулки были известны только двоим — Струтинскому и Приходько. Так мы добрались до хутора.

Через несколько дней с «маяка» Кузнецов и другие разведчики вновь отправились в город. Я остался на хуторе. Связь между «маяком» и городом поддерживалась через специальных связных.

22 февраля 1943 года на «маяке» связному Николаю Приходько был вручен секретный пакет командования, который он должен был доставить в город и вручить Кузнецову. По дороге возле села Великий Житень его остановили гитлеровцы. Потребовали документы. Приходько выхватил из-под сена автомат и открыл огонь по фашистам...

В неравном бою геройски погиб наш замечательный разведчик. Как только об этом стало известно Н. И. Кузнецову, он и его спутники вновь покинули Ровно и вернулись на хутор. На «маяке» был получен приказ: всем партизанам вместе с Кузнецовым возвратиться в лагерь.

1 марта 1943 года наша группа покинула Кудринские хутора. На фурманках ехали весь день. К вечеру достигли реки Случь. Тут на другом берегу, в селе Хатынь, на нас неожиданно напали националисты, завязался бой. С криком «Ура!», «За Родину!» партизаны с яростью обрушились на предателей Родины и разгромили их. Во время боя я все время находился возле Николая Ивановича. Он не отпускал меня ни на шаг. Рано утром 2 марта мы прибыли в партизанский лагерь, приведя с собой несколько пленных. Лагерь еще спал. Нас встретили Медведев и Стехов.

Кузнецов доложил о прибытии группы, и партизаны стали расходиться по своим подразделениям. Помню, я еще стоял рядом с Кузнецовым, когда Д. Н. Медведев спросил, обращаясь ко мне: «Ну как, все в порядке?» Я немного растерялся и не знал, что ответить. За меня ответил Кузнецов: «Все хорошо».

Потом подошел комиссар и сказал мне: «Иди отдыхай с дороги, а то тебя там радисты не дождутся. Завтра обо всем поговорим». Так закончилась моя командировка в Ровно, продолжавшаяся около месяца.

ПОЕДИНОК НИКОЛАЯ ПРИХОДЬКО

Комсомолец Николай Приходько до войны работал на железнодорожной станции Здолбуново на Ровенщине. Эвакуировался в Пензу, где тоже пошел на транспорт.

Весной 1942 года с группой железнодорожников, уроженцев Западной Украины, был направлен в Москву на курсы парашютистов-разведчиков. После четырехмесячной подготовки разведчики были заброшены в тыл врага, в партизанский отряд Д. Н. Медведева, действовавший под Ровно.

Оказавшись в родных местах, где у него были родные и знакомые, Приходько первым пошел на разведку в Здолбунов, а потом и в Ровно. Николай обладал богатырской силой и выносливостью. Ничто не страшило его, он рвался туда, где опаснее, всегда был готов к активным действиям против врага.

Когда Н. И. Кузнецов обосновался в городе, Приходько выполнял трудную и опасную роль связного между Кузнецовым и «маяком». В канун 25-й годовщины Красной Армии возле села Великий Житень в неравной схватке с фашистами Николай Приходько погиб.

Тяжело переживал Кузнецов смерть боевого друга. Свои чувства Николай Иванович выразил в заметке «Подвиг», написанной им для стенгазеты при штабе отряда.

«22 февраля, в понедельник, героически погиб в борьбе против немецких оккупантов наш боевой товарищ, курьер особой группы Николай Приходько.

Когда наша группа 29 января отправлялась из лагеря, командир отряда в напутственной речи спросил:

— Готовы ли вы умереть за Родину?

Мы все в один голос ответили:

— Готовы!

И вот одному из нас, Николаю Приходько, пришлось погибнуть. Он выполнял одну из ответственных функций — курьера. Десятки раз он проезжал по занятым немцами городам и дорогам, рискуя своей жизнью во имя Родины.

21 февраля он доставил в штаб нашего отряда важное донесение и 22-го возвращался с пакетом. В 10 км от города его остановил немецкий патруль из 12 солдат. На окрик «стой!» он ответил автоматной очередью и поразил 10 фашистов. Двое побежали, отстреливаясь, и ранили его. Но Николай, верный долгу перед Родиной, погнал коней дальше на город. Через несколько десятков метров он встретил грузовик с немцами. Их было более 30. Немцы открыли огонь. Приходько отстреливался, убил еще 6 немцев, затем, видя, что истекает кровью, сжег пакет и документы. Николай Приходько погиб как герой-патриот своей великой Родины, отдав за нее свою молодую жизнь.

Вечная память и слава герою Николаю Приходько! Многие фашисты заплачут своими головами за его смерть!

Грачев».

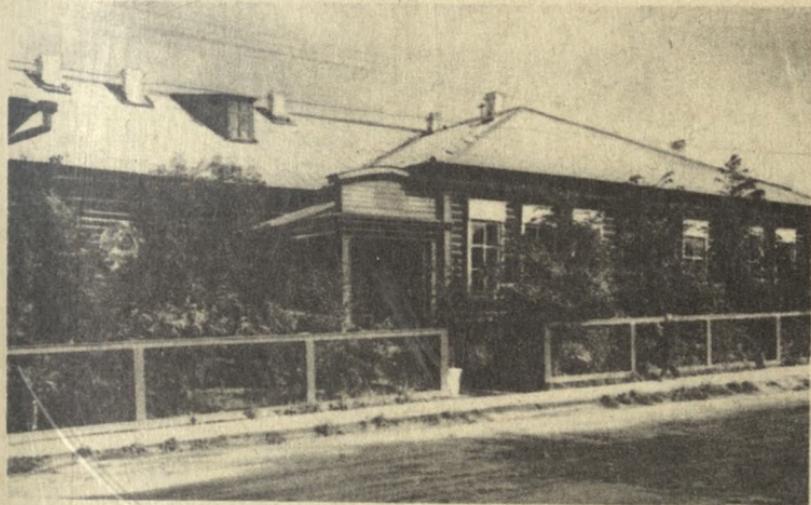
Иван Павлович и Анна Петровна Кузнецовы с дочерьми Агафьей и Лидией.

Ника Кузнецов — выпускник школы-семилетки. 1926 г.

Начальная школа в Зырянке.

Талица. В этой школе-семилетке учился Н. Кузнецов.

*Н. Кузнецов (первый слева) среди выпускников Талицкой школы.
Июнь 1926 г.*

Ника Кузнецов (стоит справа) и студенты техникума с семьей хозяйки квартиры Е. П. Масловой.

ЗДЕСЬ, В 1926 ГОДУ
В БЫВШЕМ
С.Х. ТЕХНИКУМЕ
УЧИЛСЯ
КУЗНЕЦОВ
НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ.
ЛЕГЕНДАРНЫЙ РАЗВЕДЧИК.
ГЕРОЙ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ПОДЛЕЖИТ ОРАЖАНИЕ
КАК ВСЕОБЩЕОТНОСИТЕЛЬНОМУ ДОСТИЖЕНИЮ

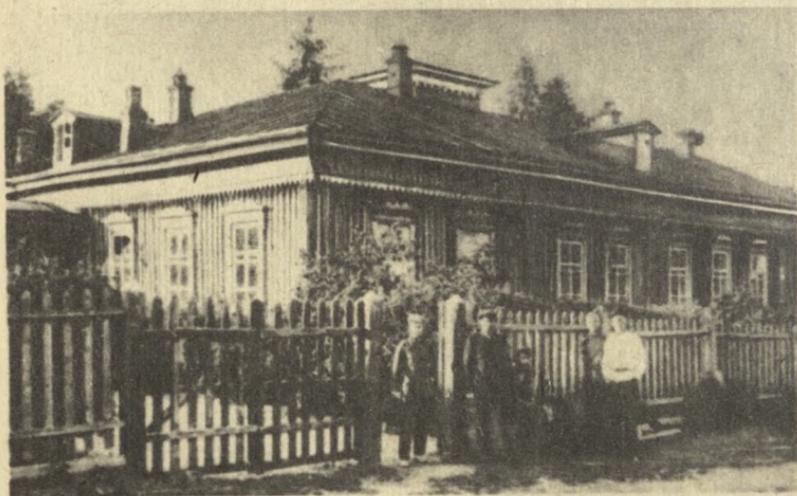

Вход в здание бывшего сельскохозяйственного техникума в Тюмени.

Н. Кузнецов в юнштурмовке — форме комсомольцев 20-х годов.

*Ника Кузнецов. На обороте этой фотографии его рукой написано:
«Снимался 1-го июня 1928 года. 1 курс Т.Л.Т.».*

*Старое здание Талицкого лесного (ныне лесотехнического) технику-
ма Сейчас здесь музей Н. И. Кузнецова.*

Н. Кузнецов (сидит) с товарищами по учебе в техникуме Ф. Белосовым (слева) и В. Захаровым. Декабрь 1928 г.

*Н. Кузнецов со студентами III курса на практике по лесоводству.
1929 г.*

Новое здание Талицкого лесотехнического техникума имени Н. И. Кузнецова.

Памятник Н. И. Кузнецову в Талице.

Н. И. Кузнецов. Таким он приехал в Кудымкар в апреле 1930 г.

Дом на углу улиц Ленина и Хорошева в Кудымкаре.

**В ЭТОМ ДОМЕ
в 1932 году**

ЖИЛ

**ЛЕГЕНДАРНЫЙ РАЗВЕДЧИК
ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
КУЗНЕЦОВ**

Н. И. Кузнецов в полевой форме таксатора. Июль 1931 г.

*Николай Кузнецов (спрѣва) с сестрой Лидией и братом Виктором.
Февраль 1932 г.*

*Н. И. Кузнецов (в третьем ряду второй справа) среди участников
плenums Коми-Пермяцкого округспромсоюза. 1933 г.*

Дом на улице Кирова, 28, в Кудымкаре.

В ЭТОМ ДОМЕ

в 1930-32 годах

РАБОТАЛ

ЛЕГЕНДАРНЫЙ РАЗВЕДЧИК

Герой Советского Союза

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

КУЗНЕЦОВ

Работники Уралмашзавода на экскурсии у обелиска на границе Европа — Азия. Н. И. Кузнецов в третьем ряду второй справа. 1935 г.

Н. И. Кузнецов (третий слева) среди сослуживцев.

Н. И. Кузнецов в период работы на Уралмашзаводе. 1936 г.

Боевой друг разведчика Н. А. Гнидюк (справа) в музее Н. И. Кузнецова на Уралмаше. В центре В. И. Кузнецов, брат героя. Январь 1968 г.

Бывшие разведчики В. К. Довгер и В. В. Кочетков посетили родину героя в августе 1967 г.

В здании заводоуправления Уралмашзавода. В комнате, где работал Н. И. Кузнецов, открыт музей его имени.

Москва. Кремль.

Н. И. Кузнецов. Москва, 1940 г.

Н. И. Кузнецов в Москве. 1940—1941 гг.

Кузнецов в мундире немецкого офицера «Люфтваффе». Июль 1942 г.

Н. И. Кузнецов осваивает роль фашистского офицера на отдыхе.

Николай Иванович Кузнецов перед вылетом в тыл врага. Лето 1942 г.

Командир отряда «Победители» полковник Дмитрий Николаевич
Медведев. 1942 г.